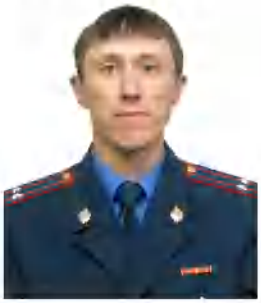
УДК 343.23



Виктор Николаевич ВИНОКУРОВ,
докторант факультета по подготовке научно-педагогических кадров Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО МЕСТО В КЛАССИФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

DIRECT OBJECT OF A CRIME AND ITS PLACE IN THE CLASSIFICATION OF CRIME OBJECTS

В статье рассматриваются критерии классификации объектов преступления. При классификации объектов преступлений по «горизонтали» речь идет о классификации понятия «объект преступления», где он рассматривается как элемент состава. Классификация объектов преступлений по «горизонтали» основывается на соотношении категорий «всеобщее», «общее», «особенное» и «единичное», характеризующих признаки конкретных индивидуальных предметов, выступающих как «отдельное».

The criteria of the classification of objects of a crime are considered in the article. When objects of the crime are classified 'horizontally', we mean the classification of the notions 'object of crime' as an element of a structure. The 'horizontal' classification of objects of the crime is based on the correlation of the following categories: 'general', 'common', 'special', 'single' characterized as the 'separate' features of the certain individual matters.

Ключевые слова: *классификация, критерий, объект преступления, общественные отношения, последствия.*

Keywords: *classification, criterion, object of a crime, public relations, consequences.*

В теории уголовного права в зависимости от степени конкретизации выделяют общий, родовой и непосредственный объекты преступления. Эта классификация основана на соотношении философских категорий общего, особенного и единичного, вследствие чего непосредственным объектом преступления признаются конкретные общественные отношения.[1] «Каждое конкретное отношение между физическими и юридическими лицами, – обоснованно отмечает Е.И. Аюева, – по сравнению со всей системой существующих социальных отношений – это отдельное, единичное, в котором содержатся моменты общего – признаки, свойства, черты и стороны, присущие многим аналогичным отношениям, обусловленные, например, единой экономической основой и одновременно моменты особенного и неповторимого».[2]

Эта концепция неоднократно подвергалась критике. Во-первых, общего объекта преступления в природе не существует, как не существует в природе общего государства, есть лишь общее понятие о государстве. В природе нет преступления, которое вообще посягает на общественные отношения. Когда говорят об общем объекте преступления, имеют в виду не какие-то реальные, конкретные отношения, а понятие о нем, которое, являясь формой мышления, не совпадает и не может совпадать с самим явлением. Так называемый «общий» объект не соотносится с конкретными явлениями общественной жизни как род и вид, поскольку понятия не находятся в таком соотношении с са-

мим явлением. Преступлений, посягающих на понятия или наименования, в природе не существует. Следовательно, общий объект преступления ни для науки, ни для практики ничего не дает.[3]

Во-вторых, деление объектов преступления на общий, родовой и непосредственный должно основываться на взаимосвязи таких категорий, как целое и часть или система, подсистема и элемент. С позиции взаимосвязи указанных категорий вся совокупность объектов преступлений должна рассматриваться не как вид (общий) объект преступления, а в качестве системы (совокупности, множественности) объектов, в составе которой могут быть выделены определенные подсистемы и элементы (части). Роль подсистем выполняют объекты преступлений, однородных по направленности посягательства (родовой объект в его традиционном понимании. – *В.В.*). Объект отдельно взятого преступления выступает как элемент системы объектов в целом и одновременно какой-то ее подсистемы. Учитывая, что система в целом нигде и никогда не называлась видом по отношению к подсистеме, а сама подсистема – видом по отношению к ее отдельным элементам, ни о какой классификации объектов преступления по «вертикали» говорить не приходится вообще. Сходное, повторяющееся во всех объектах преступления есть их общий признак, но не общий объект, особенность какой-то группы объектов преступления – не родовой объект, а признак, объединяющий некоторую часть объектов посягательств в однородную по направленности группу и вместе с тем отличающий ее от всех других групп. Подобно тому, как само преступление всегда предстает конкретным явлением, а не понятием, его объект всегда конкретен и не существует в виде «родового» или «общего» объекта преступления, и следовательно, в реальной действительности нет никакого другого объекта преступления, кроме непосредственного.[4]

В-третьих, трехстепенное деление объектов, претендующее на универсальность, в действительности применимо только к немногим преступлениям, например к преступлениям против личности. Применительно к другим составам нередко указываются только два объекта – общий, который всегда предполагается, и непосредственный. В то же время непосредственный объект оказывается «групповым» для целого ряда преступлений.[5]

Следует рассмотреть приведенные доводы. Во-первых, при классификации объектов правильно говорить не об общем, родовом и непосредственном объектах преступления, а об общем, родовом и конкретном понятии «объект преступления». Поэтому классификация по «вертикали» является не классификацией объектов, а классификацией присущих им признаков, на основании которых выделяют общее, родовое (групповое) и конкретное (индивидуальное) понятие «объект преступления».[6] Понятие общего объекта должно характеризоваться признаками, присущими непосредственному объекту. «Нельзя искать специальный (непосредственный. – *В.В.*) объект, – писал Н.Д.Розенберг, – свойственный отдельной группе преступлений, не опираясь при этом на правильное понимание общего объекта».[7] Общий объект позволяет объединить все родовые и непосредственные объекты в единую качественно-определенную систему и выразить их главное свойство – принадлежность к числу важнейших отношений в обществе на определенном этапе его развития. Понятие общего объекта преступления указывает, что в принципе подлежит охране.[8] Следовательно, общий объект преступления – это объект уголовно-правовой охраны. Таким образом, действительно для практики выделение общего объекта преступления не имеет значения, оно имеет значение лишь для науки.

Во-вторых, в объективной действительности существуют не классы, а отдельные вещи, обладающие общими свойствами и являющиеся объективной основой формирования общих понятий. Поэтому отношение «единичное – особенное – общее» следует рассматривать как отношение «индивид – вид – род», выражающее не сто-

роны объекта, а субординацию понятий, различных по объему.[9] Для познания отображенных в понятии предметов необходимо раскрыть не только содержание понятия, то есть зафиксированные в понятии существенные признаки предметов, что достигается при его определении, но и установить объем понятия, то есть тот круг предметов, который отражен в данном понятии. Понятие, объем которого делится, является родом, а новые понятия – это виды по отношению к роду. Признак, по которому производится деление объема родового понятия на виды, называется основанием деления.[10] Применительно к делению объема понятия «объект преступления – общественные отношения» основанием деления следует признать сферу отношений, которым причиняется вред.

Понятие общего объекта преступления охватывает все объекты без исключения, то есть по объему оно наиболее широкое, но в то же время наиболее бедное по содержанию, так как включает в себя признаки, повторяющиеся во всех объектах. Общее понятие объекта преступления позволяет выявить главное, типичное, наиболее существенное в этом понятии. Родовое (групповое) понятие по объему менее широкое, но по содержанию богаче общего, поскольку отражает признаки, имеющиеся у одной группы объектов преступления и отсутствующие у другой. Конкретное понятие объекта по объему самое узкое, так как в нем всегда мыслится какой-либо конкретный (индивидуальный) объект. Выделение понятия отдельного (единичного. – *В.В.*) объекта происходит за счет расширения его содержания путем включения индивидуальных, неповторимых признаков, которые позволяют отграничить одно преступление от другого.[11]

Таким образом, при делении объектов преступления по «горизонтали» речь идет не об объекте реально совершенного деяния, а об объекте как элементе состава преступления. По мнению А.П.Козлова, классификация понятий объекта преступлений позволяет определить, насколько четко соотнесены между собой классы объектов. На основании этого указанный автор отмечает, что нормы, предусмотренные главой 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних», не совсем обоснованно отнесены в раздел VII «Преступления против личности», поскольку семья всегда являлась и является ячейкой общества.[12]

В-третьих, выделение в философии категорий «общее», «особенное», «единичное» не означает, что они должны иметь место во всех явлениях действительности. Возможны такие ситуации, когда следует выделять только «общее» и «единичное».[13] Устанавливая с помощью сравнения различие объектов в одних свойствах и сходства в других, следует выделять противоположные стороны, отражающиеся в категориях «единичное» и «общее». Движение познания от отдельного к единичному и общему представляет собой процесс восхождения от эмпирически конкретного к абстрактному. Синтезирование абстракций и образование категории особенного выступает как процесс восхождения от абстрактного к конкретному. Таким образом, категория «особенное» выражает синтез знаний о противоположных сторонах объекта – единичном и общем.[14] В зависимости от конструкции состава преступления, можно выделять различное количество объектов преступления как элементов его состава. Учитывая, что объекты всей совокупности преступлений не совпадают с количеством объектов одного преступления, согласимся с мнением о недопустимости отождествления классификации *объектов преступления* и классификации *объектов преступлений*.[15]

Как «единичное» общественные отношения рассматриваются на уровне конкретных социальных связей между физическими и юридическими лицами и государством в лице его органов. Общим являются все отношения, существующие в обществе как типизированные устойчивые связи. В качестве особенного выступают отношения, которые по своей однородности охраня-

ются нормами Особенной части УК РФ, находящимися в одной главе. Критерием однородности является причиненный общественным отношениям вред. В зависимости от того, в какой сфере, по мнению законодателя, преступление причиняет вред, в такой главе Особенной части УК РФ и расположил законодатель тот или иной состав преступления. В качестве «единичного» выступают отношения в какой-либо определенной сфере.

С принятием УК РФ и группировкой норм Особенной части УК РФ по разделам появилась необходимость в четырехуровневой системе классификации понятия «объект преступления – общественные отношения». Так, преступления, объединенные в одном разделе, предложено было именовать составным, типовым, суперродовым объектом.[16] Систему «единичное – особенное – общее» следует дополнить категориями «всеобщее», «общее», «особенное» и «единичное», характеризующими признаки конкретных индивидуальных предметов. Сами же эти предметы, воплощающие диалектическое единство единичных и общих признаков, не могут быть названы ни единичными, ни общими, ни особенными, ни всеобщими, их следует обозначать как отдельное.[17] Это нашло отражение и в уголовном праве. Так, Е.А.Фролов обоснованно предложил выделять в рамках родового объекта видовой – группы родственных, более узких общественных отношений, отражающих один и тот же интерес их участников.[18] Вследствие чего система объектов по «вертикали» стала четырехступенчатой: общий – вся система Особенной части, родовой – отношения, охраняемые нормами одной главы, видовой – группы родственных, более узких общественных отношений, отражающих один и тот же интерес их участников, непосредственный – конкретные общественные отношения.

Н.И.Коржанский предложил дополнить и уточнить эту классификацию объектов преступления. По его мнению, объект преступления, именуемый как непосредственный, в действительности является не непосредственным, а видовым. «Если мы говорим, что объектом убийства является жизнь человека, – пишет Н.И.Коржанский, – то мы ведь не имеем в виду конкретное убийство и жизнь отдельного конкретного человека. Здесь употребляется видовое понятие убийства и видовое понятие жизни. В таком употреблении жизнь означает не отдельное общественное отношение по обеспечению жизни, а все аналогичные общественные отношения как отдельный их вид. Но нетрудно увидеть, что ни одно убийство не направлено непосредственно на лишение жизни как вида общественных отношений, то есть на лишение жизни всего общества». Следовательно, непосредственный объект – это уже нарушенное конкретное общественное отношение, которое изменено отдельным конкретным преступлением и представляет собой лишь частный случай проявления общественных отношений. Выделение четвертой группы объектов приводит их классификацию в полное соответствие с взаимосвязью и содержанием философских категорий общего, особенного, единичного и отдельного и придает ей завершенный вид, где общим является общий объект преступления, особенным – родовой объект, единичным – видовой объект и отдельным – непосредственный объект.[19] Эту позицию следует поддержать, поскольку она совпадает с системой категорий «всеобщее», «общее», «особенное» и «единичное», относящихся к признакам конкретных индивидуальных предметов, которые следует обозначать как «отдельное». Следовательно, непосредственный объект преступления всегда проявляется в последствиях преступления. На основании чего сложно согласиться с мнением о том, что по непосредственному объекту Особенная часть УК РФ в рамках главы делится на статьи,[20] так как это деление проходит по видовому объекту и общественной опасности преступлений, которая определяется признаками, характеризующими все элементы состава преступления. Так, разграничение между преступлениями, предусматривающими ответственность за

посягательство на жизнь (ст.ст.103–108 УК РФ) и здоровье (ст.ст.111–118 УК РФ), проводится не по объекту, а по способу, размеру последствий, форме вины, мотивам, целям и другим обстоятельствам.

Смысл выделения непосредственного объекта преступления состоит в том, чтобы конкретизировать степень общественной опасности деяния и определить пределы преступного поведения. Это явилось основанием признания непосредственным объектом преступления воспринимаемых явлений реальной действительности, помогающих установить специфику преступления. При этом пределы конкретизации и перевода тех или иных понятий из абстрактно обобщенных в конкретно осязаемые должны быть ограничены тем, чтобы определяемое как непосредственный объект не потеряло при этом свойств общественного отношения. Учитывая, что непосредственным объектом преступления выступают конкретные общественные отношения, в его качестве, по мнению А.Е.Фролова, могут выступать либо отдельные общественные отношения целиком, либо их составные части (возможность определенного поведения, само поведение, носитель отношений – личность), либо единый комплекс взаимопереплетенных общественных отношений.[21] Представляется, что носитель отношений как отдельное выступает лишь формой проявления существующих общественных отношений. На уровне отдельного речь идет не о понятии какого-то явления, а о самом явлении.

Подводя итоги, отметим следующее. При классификации объектов преступлений по «горизонтали» речь идет о классификации понятия «объект преступления», когда он рассматривается как элемент состава. Классификация объектов преступлений по «горизонтали» основывается на категориях «всеобщее», «общее», «особенное» и «единичное», характеризующих признаки конкретных индивидуальных предметов, выступающих как «отдельное». Категории «всеобщее» соответствует общий объект преступления (объект уголовно-правовой охраны). Составной, типовой, надродовой объект как основание деления Особенной части на разделы является «общим». Родовой объект преступления, на основании которого преступления разбиты на главы, выступает «особенным», и видовой объект – «единичным». Непосредственный объект преступления, выступающий «отдельным», рассматривается как конкретное явление внешнего мира. Отдельное соотносится с общим, особенным и единичным как часть и целое, что позволяет сделать вывод о том, что непосредственный объект проявляется в последствиях преступления как предмет внешнего мира или субъект отношений.

---

1 Курс Советского уголовного права. (Часть Общая). ЛГУ.,1968. С.302, 291.

2 Аюева Е.И. Взаимодействие единичного, общего и особенного в правовых явлениях // Советское государство и право. 1969. №3. С.12.

3 Федоров М.И., Федоров М.И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву // Ученые записки Пермского государственного университета. Том XI. Вып.4. Кн.2. Пермь, 1957. С.191.

4 Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические вопросы. М., 2001. С.20, 22. На соотношение родового и непосредственного объектов как части и целого указывали и другие авторы. См.: Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов. Вып.10 Свердловск, 1969. С.204; Сташис В.В., Панов Н.И. Непосредственный объект и его значение для квалификации преступлений // Проблемы правоведения : Республиканский межведомственный научный сборник. Вып.50. Киев, 1989. С.84.

5 Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960 С.108–109.

6 Ковалев М.И., Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Классификация объектов преступления // Правоведение. 1987. №2. С.70.

7 Розенберг Н.Д. О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (объект и предмет посягательства) // Ученые записки харьковского юридического института. Вып.3. Харьков, 1948. С.62.

8 Тоболкин П.С. Социальная обусловленность норм уголовного права. Свердловск, 1983. С.93; Жалинский А.Э. Уголовное право России : учебник для вузов: в 2 т. Т.1. Общая часть / отв. ред. А.Н.Игнатов, Ю.А.Красиков. М., 2000. С.106.

9 Кириллов В.И. Логика познания сущности. М., 1980. С.75.

10 Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1974. С.118–119.

11 Ковалев М.И., Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Указ. соч. С.70.

12 Энциклопедия уголовного права. Т.3. Понятие преступления. Издание профессора Малинина. СПб., 2005. С.195.

13 Фролов Е.А. Указ. соч. С.200. Довольно часто по объекту преступления невозможно провести разграничение, например, между преступлениями, предусмотренными ст.ст.105–110 УК РФ, а также между преступлениями, предусмотренными ст.ст.158–168 УК РФ.

14 Кириллов В.И. Указ. соч. С.72–77.

15 Новоселов Г.П. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М., 1997. С.139.

16 Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С.119; Энциклопедия уголовного права. Т.3. Понятие преступления. С.195.

17 Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего. М., 1987. С.9–10.

18 Фролов А.Е. Указ. соч. С.204. В настоящее время в рамках родового объекта отношений, на которые посягают преступления, предусмотренные гл.19 УК РФ необходимо выделять видовые объекты: отношения в сфере неприкосновенности личных прав (ст.ст.137–139 УК РФ), отношения в сфере трудовых прав (ст.ст.143, 145 УК РФ), отношения в сфере политических прав (ст.ст.141–142.1 УК РФ).

19 Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С.72–74; Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений. Волгоград, 1976. С.27–28.

20 Уголовное право России. Общая часть : учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С.119.

21 Фролов Е.А. Указ. соч. С.206–210.